

ВОИН, ПИСАТЕЛЬ, ФИЛОСОФ, ГРАЖДАНИН ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ — ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОНДАРЕВ

К.М. Долгов

Долгов Константин Михайлович — доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель РФ, главный научный сотрудник Института философии РАН. 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1. E-mail: konstantin.dolgov@gmail.com

На многих встречах, которые состоялись у меня с Ю.В. Бондаревым на протяжении нескольких десятилетий, он так или иначе выводил наши беседы на серьёзные философские вопро-

сы. Иногда он просил меня рассказать о тех или иных философах древности, Средних веков, а особенно современности, об их взглядах и понимании мира. Он не скрывал от меня, что постоянно читает философскую литературу, поскольку его творчество, органически связанное с Великой Отечественной войной, требовало от него ответов на фундаментальные вопросы бытия и сознания. В связи с этим мы обсуждали наиболее характерные особенности древнегреческих трагедий, литературы Древнего Рима, Средних веков, Возрождения, Нового времени и современной эпохи. Порой он искренне удивлялся тому, что находил в произведениях великих писателей этих эпох глубочайшую философию. Он с восхищением говорил о древнегреческой трагедии как о настоящей, глубоко философской литературе. Такие же суждения я слышал от него и о произведениях Овидия, Вергилия, Данте, Петрарки, Боккаччо, Шекспира, Монтеня, Вольтера, Руссо, Гете, Пруста, Фолкнера, Камю, Сартра, Кафки, Хемин-

гуэя, Пушкина, Л. Толстого, Достоевского, Бунина, Горького и многих других.

Он не раз отмечал, что я в своих работах, в частности, в пятитомном труде «Философские измерения политики, дипломатии и культуры» справедливо подчёркиваю значимость философского измерения произведений художественной литературы. По существу, в истории литературы остаются только те произведения, которые отличаются глубоким философским содержанием и смыслом. Вот почему по сей день актуальны и древнегреческая трагедия, и «Божественная комедия» Данте, и «Фауст» Гете, и трагедии Шекспира и др. И напротив, произведения, высоко ценившиеся в своё время, но не обладавшие философским содержанием, бесследно исчезли и исчезают. Видимо, не случайно Ю.В. Бондарев, как бы продолжая философскую тематику своих художественных произведений, основал своеобразный жанр философской эссеистики — «Мгновения», которым он всё больше и больше увлекался. Вместе с тем он с горечью отмечал, что в истории человечества судьба самых умных и мудрых людей была незавидной. Благодаря своему гению они прозревали толщу времён, нередко предсказывая людям грозящие им катастрофы. При этом они всегда утверждали Истину, Добро, Красоту, Любовь — и все глубоко человеческие добродетели и ценности.

Но именно за это их и приговаривали к смертной казни, как например Сократа или Дж. Бруно. Неслучайно Апостол Павел в Первом послании к коринфянам писал: «Любовь никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» (1 Кор 13: 4-5).

Художественную литературу Ю.В. Бондарев понимал и считал одной из самых высоких и глубоких способностей человека, постижения и раскрытия бытия и познания человека, его физического и духовного мира, его места во Вселенной. Вот почему литература, и в особенности русская литература и, естественно, литература, связанная с войной, не может не быть глубоко философской, ибо речь идёт о жизни и смерти как человека, так и всего живого на земле. Данная статья посвящена творчеству Ю.В. Бондарева, который заметно выделяется среди многих наших талантливых писателей именно своим глубоко философским мирозерцанием и анализом действительности.

Я не один раз говорил и писал о том, что наша жизнь, по существу, состоит в основном из встреч и расставаний. С кем-то мы расстаемся на время, а с кем-то навсегда, с кем-то встречаемся случайно, а с кем-то встречи становятся судьбоносными или просто судьбой. Если бы жизнь для человека была заранее известной, была чем-то расписанным до мелочей, эта была бы не жизнь, а мука. Может быть, именно поэтому человек живёт каждый день, каждый час, а иногда и каждое мгновение в каком-то неизвестном ему ожидании: то ли ожидании чего-то доброго и хорошего, то ли наоборот, чего-то недоброго, смертельно опасного. Вот почему у человека в его истории постоянно развивалось смутное предощущение, ожидание чего-то в будущем, предчувствие каких-то встреч, то ли желанных, то ли нежеланных, но неизбежных.

Вспоминая свои детские годы, я не могу забыть о невероятных впечатлениях, которые оказывали на меня, на моих братьев и сестер, на моих сверстников рассказы наших дедушек и бабушек и их друзей о раз-

личных войнах, походах, героях сражений и историях, которые кружили нам головы. Нам всем хотелось быть на их месте, чтобы все это видеть воочию, чувствовать и особенно, разумеется, быть такими же героями, о которых нам рассказывали. Отсюда неизбежная тяга к историческим романам, к романам о великих полководцах, книгам о великих воинах и сражениях, и в то же время зарождавшаяся уже в наших детских сердцах и душах неизбежная печаль о неизбежной гибели прекрасных людей в расцвете сил, которые могли бы совершить ещё много и много подвигов. Но их смерть, пусть даже самая героическая, оставляла о них только скорбную память.

Может быть, поэтому книги о войне и мире в самом широком смысле слова читались нами, детьми и школьниками младших классов, с особым интересом и удовольствием, даже с каким-то вожделением, и вместе с тем с уже зародившейся и постепенно возраставшей скорбью. Такие книги мы запоминали почти целиком, например, книга о Стеньке Разине, о Емельяне Пугачеве, повести и рассказы о Суворове и многие другие. И это — не говоря уже о том, что в юношеском возрасте такие гениальные сочинения, как «Война и мир» Л. Толстого, становились нашими настольными книгами, а не просто художественной литературой, предусмотренной школьной программой.

Мы, мальчишки, почти все мечтали стать военными: моряками, лётчиками, артиллеристами и т.д. и т.п. Нам даже в самых чудовищных снах не могло присниться, что мы живём накануне самой страшной войны в истории человечества. Я уже писал о своих переживаниях и переживаниях родных и близких мне людей в начале Великой Отечественной войны, когда мы, мальчишки младших классов, решили ехать на фронт, чтобы с оружием в руках защищать свою родину. Это было наше самое искреннее желание, как бы врождённый патриотизм, и этот патриотизм был всеобщим. Вот почему литература о воинах и военных сражениях занимала и будет занимать у нашего и у других поколений одно из первых мест, а люди в военной форме будут всегда для нас желанным примером для подражания, образцом человека, мужчины, героя.

Мне и моему поколению в силу молодости воевать не пришлось, зато для поколения, которое было несколько старше нас, война стала основным уделом судьбы. Сразу после войны, с 1948 по 1953 гг., я служил в Военно-Морском флоте и по-настоящему узнал, что такое военно-морская служба, чего она стоит, что она даёт и чего она лишает. Я всегда восхищался военными людьми — защитниками Отечества, защитниками Родины малой и большой, защитниками свободы и независимости нашего общества и государства. Неудивительно: когда во время войны в газетах, журналах, отдельными изданиями выходили статьи и книги о героизме наших солдат, матросов, офицеров, генералов и адмиралов, а также героях-партизанах, мы, молодежь, зачитывались этой литературой, не переставая восхищаться нашими героями. Для нас литература о войне, рассказы, очерки, заметки писателей и военных журналистов была повседневной духовной пищей. Мы не могли без неё жить, не могли её не читать, не могли о ней не думать и рассуждать. И эти авторы стали для нас одними из самых близких и любимых друзей и товарищей.

Писать о писателях — это прежде всего писать о том, что они написали. Хотя иногда необходимо писать и о том, чего они не написали по разным причинам. И второй момент — это писать о личности писателя. Я бы начал скорее со второго момента.

Юрий Васильевич Бондарев представлял собой такого человека, который заметно выделялся среди всех других людей в любой среде. Он был незаурядным человеком во всех отношениях, начиная с внешнего вида. Был высоким, статным, красивым, стройным, физически крепким, хорошо сложенным, привлекавшим внимание окружающих его людей настоящей мужской красотой. Вместе с тем это был удивительно скромный человек, без всякой кичливости, заносчивости, гордыни. Я никогда не видел его угрюмым, насупленным и тем более разгневанным и вышедшим из себя. Напротив, он всегда был спокоен, сдержан, улыбка почти не сходила с его лица в любых обстоятельствах, как приятных, так и не совсем приятных. В этом, как

мне казалось, сказывалось какое-то внутреннее благородство его натуры.

Я познакомился с ним в 1960-е гг., когда уже появились сборники его рассказов, на каком-то общественном или писательском мероприятии, и у нас завязался разговор о его творчестве, его военных рассказах. Я отметил точность его художественного слова и добавил, что с моей точки зрения как бывшего военного моряка, эти рассказы будут полезны как тем, кто служит, так и тем, кто не служит и служить не будет. Он как будто удивился, узнав, что я больше пяти лет служил в Военно-морском флоте (на Балтике), но этот факт нас как-то сблизил, хотя я служил после войны, а он прошёл войну. Я даже заметил, что он как солдат и сын солдата должен был посвятить свою жизнь, как это обыкновенно бывает, военной службе. Согласившись с этим, Юрий Васильевич сказал, что по разным обстоятельствам он вынужден был сделать другой выбор, и стать писателем. Но не просто писателем, а именно военным, подчеркнул он. Может быть, это не всем понятно, но любой человек, пройдя через войну, а особенно такую, какой была Великая Отечественная, уже никогда не сможет расстаться с нею. Чем бы он ни занимался, что бы его ни увлекало, какие бы новые интересы и таланты в нём не раскрывались, он всегда будет не просто тесно, а кровно связан с войной.

Я сказал, что мне многое понятно в его словах, но он тут же возразил: я думаю, что не всё вам здесь понятно, как и многим другим людям. Понимать по-настоящему, во всей полноте это могут только те, кто, как я, прошёл через войну, был ранен, контужен, видел, как на моих глазах погибали мои старшие и младшие друзья, солдаты и офицеры. Этого не только нельзя забыть, но даже если бы человек вдруг решил для себя навсегда расстаться с войной как в своей памяти, так и в своей деятельности, то он бы никогда не смог этого сделать по простой причине: война, а точнее, жертвы войны ему бы этого не позволили. Я и не сразу это понял. Но когда понял, то поневоле стал военным писателем. Как говорят, невольник чести, не моей личной, собственной, а чести тех, кто не вернулся с этой чудовищной войны. С тех пор писательство стало

моей профессией и моей, если хотите, судьбой. И это обязало меня относиться к моему невольному выбору сверхсерьёзно, ибо речь не обо мне, а о тех, кто не вернулся и пожертвовал своей жизнью ради того, чтобы мы победили. Вот почему, Константин Михайлович, для меня очень важно всё, что я пишу, хотя, может быть, не менее важны слова одобрения или порицания о том, что я пишу и как я пишу. По этому поводу, точнее по поводу своих отношений с литературной критикой, Юрий Васильевич позже напишет: «Что касается моих отношений с цензурой, то они были сложными. Радовался, когда удавалось договориться, прийти к обоюдному согласию. Но вот что настораживало: после выхода книг — в частности, повести «Батальоны просят огня» — вдруг обрушивалась яростная критика! Дескать, слишком обострено, так на войне не бывало. Особенно разносили вещи, в которых шла речь о потерях. Потом прошло время, и те же критики стали писать об этих книгах совершенно противоположное. Тогда я понял простую истину: если один и тот же роман подвергается и хвале, и хуле, значит, надо верить только самому себе».

Надо сказать, что, начиная с первых встреч и бесед с Юрием Васильевичем, я сразу отметил его философский ум, способность философски мыслить и рассуждать о самых разных проблемах, которых мы касались, но прежде всего, разумеется, о вопросах войны и мира. Он не раз говорил, что вопросы войны органически связаны с вопросами мира, неважно, упоминаем мы о них или нет. Вопросы войны — это вопросы жизни и смерти, и смерть выступает на войне, да и после войны как своеобразная капризная богиня, дарующая кому-то жизнь, а кому-то смерть. И, к сожалению, нам, людям, кем бы мы ни были и чем бы ни занимались, не дано знать того, на что нас обречёт эта страшная богиня. Здесь возникает парадокс: раз так, раз нам не дано знать, то смиритесь, люди, смири свою гордыню, человек, и повинуйся своей судьбе. И вот именно здесь, где, казалось бы, всё ясно и человек должен смириться, — он восстаёт против этого безжалостного смирения и прилагает все свои силы, чтобы противостоять обрушивающейся на него

стихии. Как говорил Паскаль, человека может убить капля воды, но даже если вся Вселенная ополчится против него, он может выстоять и победить. Вот почему мы в этой тяжелейшей борьбе, войне, собрав все свои силы, выступили против нашего смертельного врага — фашизма, хотя он порою во много раз превосходил нас по количеству и качеству вооружений.

Я получил боевое крещение в одной из величайших битв в истории человечества — Сталинградской битве, это было настоящее боевое крещение огнём. Страна замерла в ожидании результатов этой битвы. И когда итоги стали известны, то уже ни у кого не оставалось никаких сомнений, что в этой войне мы победим. Здесь даже самый крайний атеист и неверующий человек может поверить в существование высшей силы, высшего разума, который в этой битве окрестил праведный народ огнём, а уж о верующих говорить нечего — они увидели в этом величайшее знамение.

Юрий Васильевич Бондарев, как уже отмечалось, сын солдата, воин, военный писатель и настоящий гражданин своего Отечества и подлинный сын русского народа. Все его произведения, начиная от рассказов и небольших повестей и целой серии замечательных романов — это рассказы о героизме тех, кто, не жалея сил и жизни, сражался против фашизма, защищая свою Родину, своё Отечество. Это один из тех редких писателей, и наших, и зарубежных, кто с исключительной бережностью, вниманием и какой-то почти детской трогательностью относится к слову как к чему-то сокровенному, как к сокровищу из сокровищ. Может быть, поэтому мы не насчитаем у него десятков романов и сотен произведений, при таком отношении к слову борзописание противопоказано. Здесь к месту исключительная скупость на слова, их выражение, на те или иные оттенки одного и того же слова. Вот почему всё, что им написано, читается как простым человеком, так и рафинированным интеллигентом с особым вниманием, неспешно, вдумчиво, с паузами для осмысления прочитанного. Он и сам, беседуя со своими знакомыми или незнакомыми людьми, всегда не спеша подбирал слова, выделяя молчанием особенно важ-

ные моменты и смыслы, как бы давая собеседнику время и возможность адекватного восприятия и понимания того, что он хотел сказать. Во многих беседах с Юрием Васильевичем я замечал, что он иногда как бы не столько хочет сам что-то сказать своему собеседнику, сколько хочет услышать его или подумать о том, что уже было сказано ими обоими.

Здесь мне вспоминаются как бы случайно обронённые слова нашего гениального композитора Д. Шостаковича о том, что настоящим музыкантом может стать только тот человек, который умеет и любит слушать тишину. Как это так?! Слушать тишину, и причём здесь музыка? И только тогда, когда человек действительно слушает настоящую музыку — Баха, Бетховена, Шостаковича, Чайковского и многих других, — он начинает понимать, что тишина — это исток, родник самой глубокой, самой универсальной, самой утонченной музыки. Вот почему так трудно слушать тишину, ибо в ней сокрыто всё богатство музыки. Так и в настоящей литературе слово не только имеет огромное количество значений и смыслов, но оно ещё предполагает то, что есть до слова и после слова, а также, что может быть особенно загадочно и парадоксально, свою оригинальную логику смысла или смыслов, а также логику тишины или молчания.

Неудивительно, что беседы с этим выдающимся писателем были всегда непростыми для его собеседника. Внешне вроде Ю. Бондарев действительно был прост и никогда не старался ничего изобретать. Говорил просто, вёл себя просто и просто молчал, но всё это вместе взятое и составляло оригинальную, уникальную форму бесед этого писателя, которые не всем удавалось поддерживать и понимать. Но зато какое наслаждение, когда все эти трудности бесед, диалогов раскрывали участнику глубинные смыслы души и сердца как героев его рассказов, повестей и романов, так и самого писателя. Что же это такое? Чародейство, колдовство, риторика или вдруг открывавшиеся другим людям самые глубокие и затаённые, самые сокровенные движения души и сердца? А иногда и как бы какие-то оглушающие удары почти мёрт-

вой тишины, после чего собеседник никак не мог прийти в себя. Что это за наваждение, откуда это скрытая, но сверхмогучая сила слова?

Вот как понимал литературу сам Ю. Бондарев: «Это наука, исследующая человека и мир. Работа над словом, поиски сюжета, конфликтов — суть познание, а не художественное упражнение. Автор познаёт и воспитывает себя, а затем — читателей. Литературы не существовало бы без памяти и воображения — память хранит историю, воображение дарит фактам художественную ипостась. Сравнить писательский труд с фотографированием — преступление. Даже талантливый очеркист, не описывающий мир с внешней стороны, а что-то проясняющий в человеке, даёт много пищи для ума и сильно воздействует на читателя».

Я много раз размышлял об этом после разговоров с Юрием Васильевичем. Не скажу, что я раскрыл эту тайну, пожалуй, нет, но мне кажется, я подошёл довольно близко к её раскрытию. Дело в том, что для него любой его герой, любой образ рассказа, повести или романа — это настоящий, живой, полнокровный человек. Только он не всегда до конца раскрывает, не всегда поступает так, как надо было поступать. Не всегда думает и говорит то, что надо бы помыслить и сказать. Но это сверхживое существо, самое великое и самое ценное, что есть на земле, самое совершенное и в то же время может быть, самое несовершенное во многих и многих отношениях. И для такого писателя, как Бондарев, это живое, полнокровное существо, Человек, как говорят, с большой буквы, неважно, солдат это или полководец, малообразованный человек или рафинированный интеллигент, он венец природы. Ничего более совершенного в природе не было, нет и быть не может.

Вот почему Ю. Бондарев так бережно и пристально вглядывается в каждый персонаж, как бы изучает его со всех сторон, чтобы выразить что-то, какую-то одну наиболее важную и характерную черту, где проявляется гений человека или его самая большая слабость. В этом смысле мне не с кем сравнивать талант Бондарева, он одинок и уникален. Одинок потому, что на

вершинах мысли и творчества, как известно, одиноко. А уникален потому, что в его творчестве мы видим органическое слияние реальной жизни и истинной мысли. Может быть, поэтому многие писатели ему завидовали, а некоторые даже порицали его за это же. А может быть, дело гораздо проще, всё шло от непонимания или недопонимания этого удивительного, поистине настоящего таланта. Видимо неслучайно это чувствовали и отмечали многие выдающиеся писатели, например, Константин Симонов, который писал, что «Батальоны просят огня» многому научили даже самых маститых писателей», а Василь Быков даже констатировал, что «все мы вышли из бондаревских «Батальонов...»

Ю.В. Бондарев, стремившийся как можно объективнее, точнее, правдивее отразить события Великой Отечественной войны, много раз встречался и обсуждал наиболее важные и трудные вопросы с легендарными военачальниками — маршалами Г.К. Жуковым, И.С. Коневым и другими, с тем, чтобы не допустить даже малейшей неточности в описании конкретных эпизодов, сражений этой священной для нас войны. И особенно — в изображении тех, кто отдал свою жизнь ради спасения Родины и тех, кто принёс победу. Кстати, я вспоминаю уникальный случай, когда после очередного съезда писателей, проходившего в Кремле, был устроен приём, на котором неожиданно для меня ко мне подошёл секретарь ЦК КПСС по идеологии Михаил Васильевич Зимянин, участник войны, один из организаторов подпольного и партизанского движения в Белоруссии, и попросил меня найти Василя Быкова, с которым он хотел срочно переговорить. Отыскав среди шумной толпы Василя Быкова, я сказал ему о просьбе М.В. Зимянина и подвёл его к Михаилу Васильевичу.

М.В. Зимянин обнял В. Быкова, трижды расцеловал его и сказал: вот что, Василь, ты стал у нас одним из самых известных и любимых военных писателей, тебя уважают и в Белоруссии, и во всей стране за твои талантливые произведения. Пришла пора взять тебе на свои плечи заботу о молодых писателях и вообще заботу обо всей нашей молодёжи. Я прошу тебя при всех согла-

ситься с этим, потому что наш народ и наша страна всегда проявляли особую заботу о молодёжи, от которой зависело и зависит наше будущее. Не ожидавший подобного разговора В. Быков, как мне показалось, даже растерялся, но, помолчав некоторое время, он поблагодарил Михаила Васильевича за столь высокую оценку и доверие и сказал: я согласен, после чего окружавшие нас писатели горячо заплодировали.

Как мы видели, литература для Бондарева — это искусство слова и одновременно искусство мысли, потому что слово выражает мысль, а мысль выражается в слове. Но это только одна часть литературы, очень серьёзная, важная и значимая. Есть и другая часть литературы как искусства слова и искусства мысли, это литература образа. Как известно, мыслью и собственно словом, а также их логикой и смыслом занимается философия. И литература во многом сходствует с философией, но не сводится к ней и не конкурирует с ней, поскольку, кроме этого, литература — ещё и великое искусство, и, как таковое, это искусство есть одновременно мышление образами или мышление в образах. Но в литературе искусство мысли и слова не противостоит искусству образа, скорее напротив, это своеобразное дополнение, органическое единство мысли, слова, образа, и образы часто порождают мысль, слово, а слово и мысль порождают образы. Литература немыслима без образа, здесь скорее даже наоборот, всё подчинено тому, чтобы создавать полноценные, полнокровные, жизненные образы. И это настолько важно, что иногда о писателе говорят, что это писатель образа, а это писатель слов и мысли, и, соответственно, существует и их органическое единство в творчестве того или иного писателя.

У Бондарева я вижу прежде всего образы, образы людей, образы природы, неопределённые образы различного рода мечтаний, наваждений, сновидений и т.п. И образы у него достаточно определённые и полноценные, полнокровные, запоминаются сразу и навсегда. Разумеется, это даёт ему даже при его большом таланте с огромным трудом, потому что, хотя действительность бесконечно многообразна, но писатель на то и писатель, что он нахо-

дит в этом бесконечном многообразии то, что ближе ему по его природе как человека и по природе его таланта. Даже просто отобразить в бесконечном многообразии эти подобию своей натуре и своему таланту — уже это очень трудно, не говоря о том, чтобы наделить эти образы такими свойствами и качествами, которые присущи только им и никаким другим образом. Они в своём роде уникальны, неповторимы, и мы видим это в самых различных его произведениях в чеканно-отлитом виде.

Может быть, именно поэтому они и неповторимы и так и запоминаются на всю жизнь, а это важнейшая особенность настоящего таланта. Даже названия рассказов, повестей и романов Ю.В. Бондарева свидетельствуют о глубине его мироощущения, мирозерцания и мировоззрения. Простые примеры: «Берег». Одно это слово — оно и слишком определённо, и в то же время многозначно. Слово «берег» предполагает реку и, соответственно, другой берег, предполагает многообразие сходных и несходных образов. Или «Тишина». Само произнесение слова «тишина» заставляет человека как бы сосредоточиться внутри себя, слушать что-то, вслушаться в то, что обыкновенно не слышится и, соответственно, может порождать образы, противоположные тишине. Или «Горячий снег». Здесь, как говорят, комментарии излишни, потому что два этих несовместимых слова рождают такой художественный образ, который, может быть, никто никогда не видел и не увидит, но каждый запомнит навсегда. Уже по тому, что само название «Горячий снег» содержит внутреннюю противоречивость, единство противоположностей, Ю.В. Бондарева можно считать писателем-философом.

Юрий Васильевич Бондарев являет собой пример и образец исключительной последовательности в области политики, идеологии, мирозерцания и мировоззрения. Это была почти врождённая позиция человека, родившегося в России в семье военного офицера и воспитанного с детства в лучших советских патриотических традициях. Его позиция никогда не была показной, он никогда ею не прикрывался и не считал нужным лишний раз о ней заявлять или говорить. С самых юных лет это

был настоящий, подлинный патриот России, Советского Союза, своей Родины, своего Отечества. Его участие в Сталинградской битве и в других военных операциях только укрепило эту позицию. Как коммунист и как человек он мыслил, действовал и жил в соответствии со своей патриотической позицией.

Когда в советском обществе появились люди, которые стали критиковать политический и общественный строй, существовавший в Советском Союзе, и предлагали заменить его на европейские политические структуры и порядки, Ю.В. Бондарев одним из первых решительно и бескомпромиссно выступил против этих, как он называл их, хриstopродавцев. По большей части ещё не успевших создать ничего путного, серьёзного, важного, зато преисполненных нелюбовью, а порой враждой и даже ненавистью к своей родине, они стали безмерно восхвалять всё, что было на Западе, как некое светлое будущее для всех народов, в том числе для народов Советского Союза. При этом Ю.В. Бондарев критиковал не только малоизвестных сторонников «европеизации» и «американизации» России, но и довольно известных, таких, как, например, А. Солженицын. Так, ещё в 2006 г. он писал: «Не могу пройти мимо некоторых обобщений, которые на разных страницах делает Солженицын по поводу русского народа. Откуда этот антиславянизм? Право, ответ наводит на очень мрачные воспоминания, и в памяти встают зловещие параграфы немецкого плана «Ост». Великий титан Достоевский прошёл не через семь, а через девять кругов ада, видел и ничтожное, и великое, испытал всё, что даже немыслимо испытать человеку (ожидание смертной казни, ссылка, каторжные работы, падение личности), но ни в одном произведении не доходил до национального нигилизма. Наоборот, он любил человека и отрицал в нём плохое, и утверждал доброе, как и большинство великих писателей мировой литературы, исследуя характер своей нации. Достоевский находился в мучительных поисках бога в себе и вне себя.

Чувство злой неприязни, как будто он сводит счёты с целой нацией, обидевшей его, клокочет в Солженицыне, словно в

вулкане. Он подозревает каждого русского в беспринципности, косности, приплюсовывая к ней стремление к лёгкой жизни и к власти, и как бы в восторге самоуничтожения с неистовством рвёт на себе рубаху, крича, что сам мог бы стать палачом. Вызывает также, мягко выражаясь, изумление его злой упрек Ивану Бунину только за то, что этот крупнейший писатель XX в. остался до самой смерти русским и в эмиграции. Солженицын, несмотря на свой серьёзный возраст и опыт, по существу не знает «дна» русского характера и не понимает характера «свободы» на Западе, с которым так часто сравнивает российскую жизнь...»

В своё время Ю.В. Бондарев вышел из редакционной коллегии журнала «Наш современник» в знак протеста против того, что там был опубликован роман А. Солженицына «Октябрь Шестнадцатого». А когда в журнале «Огонёк» появились провокационные статьи, направленные скорее на раскол, а не на сплочение писательской организации, Ю.В. Бондарев также выступил с осуждением этих статей. Отсюда видно, что он был против крайних оценок тех или иных событий и всегда старался занимать объективную позицию. В беседах со своими коллегами, в том числе и со мной, Ю.В. Бондарев называл этих людей людьми без ума, без чести и совести. Несмотря на то, что среди этих так называемых либералов, настроенных проевропейски и антисоветски, встречались иногда даже талантливые и умные люди, он считал их людьми без ума потому, что предавать свою родину ради блестящего, но эфемерного эпатажа, сооруженного западной идеологией и пропагандой, считал детским лепетом.

По-настоящему умный человек не может даже помыслить о предательстве своей родины ради каких-то иллюзорных сказок про счастливую и безоблачную жизнь на Западе. Он справедливо считал этих людей не имеющими чести, ибо честь человека коренится в природе его Родины и Отечества, и если человек предаёт эту святыню, то ни о какой чести не может быть и речи. Наконец, Ю.В. Бондарев был совершенно прав, говоря, что это люди без совести, ибо совесть — это самое глубинное чувство самосознания, чувство истинности отношений

человека с другими людьми, родившимися и живущими на этой земле. Даже состав самого слова со-весть, по меньшей мере, означает знание — самое глубокое, самое утончённое, почти интуитивное, знание самого себя как самосознание, неспособное ошибаться, это чувство может быть только у настоящих людей, которые любят землю, где они родились, и никогда ей не изменят, как не изменят своей родной матери.

Поэтому когда даже такой талантливый, умный учёный, как академик А.Н. Сахаров, начал поносить советское общество и государство, Ю.В. Бондарев одним из первых стал его критиковать. В газете «Правда» 29 августа 1973 г. было опубликовано письмо выдающихся советских учёных с осуждением взглядов академика А.Н. Сахарова. В этой же газете 31 августа появляется письмо группы советских писателей, резко осуждающих взгляды и поведение академика А.Н. Сахарова, а также писателя А.И. Солженицына. Среди подписавших это письмо были имена наиболее известных Советских литераторов, таких, как Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, В. Быков, Р. Гамзатов, О. Гончар, Н. Грибачев, С. Залыгин, В. Катаев, Г. Марков, С. Михалков, Б. Полевой, К. Симонов, С. Смирнов, А. Сурков, Н. Тихонов, М. Турсун-заде, К. Федин, М. Шолохов и др.

Широкий политический кругозор, глубина политического и философского мышления Ю.В. Бондарева проявились особенно весомо и значимо в годы так называемой перестройки М.С. Горбачёва, когда клевета на советский строй, на советскую действительность, на всю жизнь и деятельность советского народа достигла апогея. Ибо под видом «перестройки», по существу, развернулась борьба за уничтожение Советского Союза, социалистического государства, советской идеологии, науки и культуры. И возглавляли эту борьбу высшие чиновники советской власти, коммунистической партии во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Горбачёвым. Мне много раз в эти годы доводилось беседовать с Ю.В. Бондаревым, и хотя я знал его уже довольно хорошо, как писателя и как мыслящего человека, я каждый раз удивлялся его политическому и философскому уму, политическому чутью, благодаря чему он раскрывал

всю подноготную этой «перестройки» как невиданной кампании по уничтожению всего советского — строя, государства, власти, науки, культуры, искусства, политики и экономики в целом.

Я не знал больше другого такого писателя и человека, кто бы так верно, чётко, ясно и пронизательно всесторонне раскрыл предательскую сущность горбачёвской перестройки. Горбачёва и его ближайшее окружение он без всяких обиняков называл предателями, государственными преступниками, которых надо было судить по самым суровым законам. Что это именно так, любой человек может прочитать в выступлениях Ю.В. Бондарева на XIX партконференции в 1988 г., где он с предельной чёткостью и ясностью дал справедливую, поистине, как теперь выясняется, историческую оценку фальшивым лозунгам, намерениям и целям этой якобы перестройки и показал, к чему приводит и может привести вся эта дешёвая, продажная, предательская демагогия «прорабов перестройки».

«Мы, начав перестройку, хотим, чтобы нам открылась ещё не познанная прелесть природы, всего мира, событий, вещей, и хотим спасти народную культуру любой нации от несправедливого суда. Мы против того, чтобы наше общество стало толпой одиноких людей, добровольным узником коммерческой потребительской ловушки, обещающей роскошную жизнь чужой всепроникающей рекламой...

Можно ли сравнить нашу перестройку с самолётом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка? При всей дискуссионности, спорах о демократии, о расширении гласности, разгребании мусорных ям мы непобедимы только в единственном варианте, когда есть согласие в нравственной цели перестройки, то есть перестройка — ради материального блага и духовного объединения всех. Только согласие построит посадочную площадку в пункте назначения... Однако недавно я слышал фразу, сказанную молодым механизатором на мой вопрос об изменениях в его жизни: «Что изменилось, спрашиваете? У нас в совхозе такая перестройка мышления: тот, кто был дураком, стал умным — лозунгами кричит; тот, кто

был умным, вроде стал дурак дураком — замолчал, газет боится. Знаете, какая сейчас разница между человеком и мухой? И муху, и человека газетой прихлопнуть можно. Сказал им, а они меня в антиперестройщики». В этом чрезвычайно ядовитом ответе, просоленном народным юмором, я почувствовал и досаду, и злость человека, разочарованного одной лишь видимостью реформ на его работе, но также и то, что часть нашей печати восприняла, вернее, использовала перестройку как дестабилизацию всего существующего, ревизию веры и нравственности.

За последнее время, приспосабливаясь к нашей доверчивости, даже серьёзные органы прессы, показывая пример заразной последовательности, оказывали чуткое внимание рыцарям экстремизма, быстрого реагирования, исполненного запальчивого бойцовства, нетерпимости в борьбе за перестройку прошлого и настоящего, подвергая сомнению всё: мораль, мужество, любовь, искусство, талант, семью, великие революционные идеи, гений Ленина, Октябрьскую революцию, Великую Отечественную войну....

Эта критика убеждена, что пришло её время безраздельно властвовать над политикой в литературе, над судьбами, душами людей, порой превращая их в опустошённые раковины. Экстремистам немало удалось в их стратегии, родившейся, кстати, не из хаоса, а из тщательно продуманной заранее позиции. И теперь во многом подорвано доверие к истории, почти ко всему прошлому, к старшему поколению, к внутренней человеческой чести, что называется совестью, к справедливости, к объективной гласности, которую то и дело обращают в гласность одностороннюю: оговорённый лишен возможности ответить.

Безнравственность печати не может учить нравственности. Аморализм в идеологии несёт разврат духа. Пожалуй, не все в кабинетах главных редакторов газет и журналов полностью осознают или не хотят осознавать, что гласность и демократия — это высокая моральная и гражданская дисциплина, а не произвол, по философии Ивана Карамазова, что революционные чувства перестройки — происхождения из

нравственных убеждений, а не из яда, выдаваемого за оздоравливающие средства. Уже не выяснение разногласий, не искание объективной истины, не спор о правде, ещё скрытой за семью печатями, не дискуссия, не выявление молодых талантов, не объединение на идее преобразования нашего бытия, а битва в контрпозиции, размывание критериев, моральных опор, травля и шельмование крупнейших писателей, режиссёров, художников, тяжба устная и письменная с замечательными талантами, такими, как Василий Белов, Виктор Астафьев, Пётр Проскурин, Валентин Распутин, Анатолий Иванов, Михаил Алексеев, Сергей Бондарчук, Илья Глазунов...

Когда я читаю в нашей печати, что у русских не было и нет своей территории, что 60-летние и 70-летние ветераны войны и труда являются потенциальными противниками перестройки, что произведения Шолохова пора исключить из школьных программ и вместо них включить «Дети Арбата», когда я читаю, что журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия» внедряют ненависть в гены (чтобы этакое написать, надо действительно обладать естественной ненавистью к этим журналам), когда меня печатно убеждают, что стабильность является самым страшным, что может быть (то есть да здравствует развал и хаос в экономике и в культуре), что писателя Булгакова изживал со света «вождь», а не группа критиков и литераторов во главе с Билль-Белоцерковским, требовавших не раз высылки за границу талантливейшего конкурента, когда на страницах «Огонька» появляются провокационные соблазны, толкающие к размежеванию сил, к натравливанию целой московской писательской организации на журнал «Москва», когда читаю, что фашизм, оказывается, возник в начале века в России, а не в Италии, когда слышу, что генерал Власов, предавший подчиненную ему армию, перешедший к немцам, боролся против Сталина, а не против советского народа, — когда я думаю обо всём этом, безответственном, встречаясь с молодёжью, то уже не удивляюсь тем пропитанным неверием, иронией и некой безнадежностью вопросам, которые они задают. И думаю: да, один грамм веры дороже

порой всякого опыта мудреца. И понимаю, что мы как бы предаём свою молодёжь, опустошаем её души скальпелем анархической болтовни, пустопорожними сенсациями, всяческими чужими модами, дёшево стоящими демагогическими заигрываниями.

В нашей печати мы нескончаемо предлагаем ей, молодёжи, не правду, даже самую горькую, и не опыт, который учит многое исправлять, а цепь приправленных отравой цинизма разочарований, гася здоровую радость молодости. Мы говорим: горький опыт, ибо опыта сладкого в природе не бывает. Но опыт — учитель жизни. Не подменяем ли мы его бульварной пустотой и нелепицей? Не смотрим ли мы уже на солнце и небо через рублёвую купюру, полученную за увеличенный тираж?

Наша экстремистская критика со своим деспотизмом, бескультурьем, властолюбием и цинизмом в оценках явлений как бы находится над и впереди интересов социалистического прогресса. Она хочет присвоить себе новое звание «прораба перестройки». На самом же деле исповедует главный свой постулат: пусть расцветают все сорняки и соперничают все злые силы; только при хаосе, путанице, неразберихе, интригах, эпидемиях литературных скандалов, только расшатав веру, мы сможем сшить униформу мышления, выгодную лично нам. Да, эта критика вожделеет к власти и, отбрасывая мораль и совесть, может поставить идеологию на границу кризиса.

Я ещё надеюсь, что консолидация литературных сил с трудом и преодолением возможна. Но в то же время, зная, как иные коллеги по перу на встречах в издательских салонах или читая лекции за границей о русской культуре поливают дурно пахнущей грязью наше прошлое и современное, ушедших из жизни классиков и современных писателей, лгут и клеветуют, стараясь понравиться «правдивой ложью», заискивая в упоении страдальца, живущего в «варварской стране». Зная это, я понимаю тех, оклеветанных, кто уже не хочет быть ни в одной партии с ними, ни в одном Союзе писателей. Подобно тончайшему анализу, перестройка выявила: кто есть кто и кто чего ждал, безмятежно живя в тиши застоя, когда другие готовили перемены.

В самой демократической Древней Греции шесть черных фасолин, означающих шесть голосов против, подписали смертный приговор Сократу, величайшему философу всех времён и народов. Демагогия, клевета, крикливость лжецов и обманутых, коварство завистливых перевесили чашу весов справедливости.

Свобода — это высшее нравственное состояние человека, когда ограничения необходимы как проявления этой же нравственности, то есть разумного самоуважения и уважения ближнего. Не в этом ли смысл наших преобразований?»¹.

Вслед за резкой, глубокой и основательной критикой пресловутой горбачёвской перестройки, Ю.В. Бондарев с меньшей силой и страстью стал критиковать так называемые реформы Б.Н. Ельцина, который, будучи соратником М.С. Горбачёва по перестройке, от уничтожения Советского Союза перешёл к уничтожению России. Он открыто заявлял по телевидению: берите, сколько хотите, этого суверенитета, призывая, по существу, к политическому и территориальному развалу России. Расстрел Белого дома Ю.В. Бондарев считал непростительным преступлением Ельцина и его окружения. Он показывал полную некомпетентность Ельцина и его команды во всех вопросах и во всех отношениях. В своих выступлениях Ю.В. Бондарев предостерегал, что реформы Ельцина могут завершиться полным развалом России так же, как перестройка Горбачёва завершилась полным развалом Советского Союза. В связи с этой смертельной опасностью группа известных политиков, общественных деятелей, деятелей науки и культуры, среди которых был и Ю.В. Бондарев, обратилась с письмом к народу, опубликованном в газете «Советская Россия» 23 июля 1991 г.

«Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие. И

эта гибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии... Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и велеречивые властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего — обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у всемогущих соседей? ... Братья, поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит с четырёх углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью. Неужели допустим вторично за этот век гражданский раздор и войну, снова кинем себя в жестокие, не нами запущенные жернова, где перетрутся кости народа, переломится стеновой хребет России?..

Сплотимся же, чтобы остановить цепную реакцию гибельного распада государства, экономики, личности; чтобы содействовать укреплению советской власти, превращению её в подлинно народную власть, а не в кормушку для алчущих нуворишей, готовых распродать всё и вся ради своих ненасытных appetitov; чтобы не дать разбушеваться занимающемуся пожару межнациональной розни и гражданской войны»².

Признавая лично заслугу президента В.В. Путина в том, что ему удалось сохранить целостность России, Ю.В. Бондарев, как и другие патриотически настроенные люди, выражали свою тревогу и озабоченность антинародными, антироссийскими действиями ельцинского окружения, всякого рода дилетантов, нуворишей и олигархов, предающих свою Родину и свой народ, и поэтому обратились к президенту В.В. Путину с открытым письмом «Остановить “реформы смерти”!», в котором про-

¹ Пророческое выступление писателя Юрия Бондарева на XIX Всесоюзной конференции КПСС 29 июня 1988 г. URL: <https://ulpressa.ru/2014/10/23/prorocheskoe-vystuplenie-pisatelya-yuriya-bondareva-na-xix-vsesoyuznoy-konferentsii-kpss-29-iyunya-1988-goda/> (дата обращения: 20.06. 2020).

² «Слово к народу». *Советская Россия*. 23 июля 1991 г. URL: <http://www.agitclub.ru/gorby/putch/slovonarodu.htm> (дата обращения: 20.06. 2020).

сили очистить руководящее ядро от этих предателей. Это обращение, которое было логическим продолжением «пророческого», как называли его сами авторы, «Слова к народу», сделанного десять лет назад. Обращение было опубликовано в газете «Советская Россия» 14 августа 2001 г.:

«Наше нынешнее обращение, продиктованное болью за Родину и острой тревогой за её судьбу, преследует несколько целей. Мы хотим объяснить народу трагизм времени, в которое входит Россия, терзаемая новой волной “криминальных реформ”. Хотим консолидировать общество перед лицом катастрофы, призывая к немедленному диалогу всех национально мыслящих политических, культурных, общественных и религиозных сил, включая и тот фрагмент кремлевской элиты, наполненной “патриотическими силовиками”, чье разочарование в нынешнем курсе уже очевидно.

Не питая иллюзий по поводу возможностей и внутренних установок президента Путина, мы тем не менее снова и снова побуждаем его сбросить с себя страшный груз ельцинизма, освободиться от ненавистного народу ельцинского окружения — этих волошиных, фридманов, абрамовичей, которые, как жернова, утягивают его в пучину бед. Призываем вырвать штурвал государства у дилетантов Кудрина, Грефа, загоняющих экономику в штопор. Пусть нанесёт решительный удар по теневикам и мафиозным политикам, рассецёт олигархический узел, как это удалось ему в случае с Гусинским и Березовским. В этом решительном, достойном национального лидера деянии он сможет опереться на большинство народа, на его дееспособные, нравственные, патриотические силы...

Работники спецслужб, «чекисты», которые вслед за Путиным пришли к управлению страной, внесли в политику государственную волю, бескорыстие, идею служения, задыхаются от гнилостных ельцинских кадров, отравляющих институты государства. Они станут несомненными

союзниками патриотов в «кадровой революции», в исцелении больного государства

На фоне неизбежных социальных волнений, в преддверии лавинообразных техногенных аварий и военных конфликтов, будь то Кавказ или Средняя Азия, мы предлагаем созвать общероссийский Гражданский форум, который координировал бы народ России, — партии, общественные организации, каждого отдельного гражданина, дабы, используя доступные им гражданские способы, воздействовать на кремлевскую власть, побудить её к смене смертельного для России курса.

Россия — выше партий, выше идеологий, выше личных претензий и сословных споров. Спасем, бережем нашу ненаглядную, любимую Родину!»³.

Среди подписавших это письмо, были лауреат Нобелевской премии Ж. Алферов, писатели М. Алексеев, В. Белов, Ю. Бондарев, П. Проскурин, А. Проханов, В. Распутин, поэт Е. Исаев, ректор Литературного института С. Есин, член-корреспондент РАН С. Глазьев, народный артист России Н. Губенко, лидер КПРФ Г. Зюганов, председатель комитета Госдумы А. Лукьянов, председатель комитета Госдумы И. Мельников, генерал армии и бывший министр обороны, депутат Госдумы И. Родионов, летчик-космонавт, депутат Госдумы С. Савицкая, летчик-космонавт, депутат Госдумы В. Севастьянов, академик, директор Института геофизики Земли В. Страхов, руководитель Агропромышленной депутатской группы Госдумы Н. Харитонов, главный редактор газеты «Советская Россия» В. Чикин и другие политики, учёные, общественные деятели и деятели культуры (всего 43 человека).

Ю.В. Бондарев вёл огромную общественную работу. Став членом Союза писателей СССР в 1951 г., он на протяжении своей долгой, активной, насыщенной поисками новых идей и новых решений творческой жизни и деятельности занимал и избирался в руководящие органы Союза писателей

³ Обращение опубликовано в газете «Советская Россия» 14 августа 2001 г. «Остановить “реформы смерти”! [обращение сорока трех]». URL: <https://web.archive.org/web/20111201173224/http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/01/402/12.html> (дата обращения: 20.06. 2020).

СССР и РСФСР, многие годы был секретарем правления, а в 1990-1994 гг. — председателем правления Союза писателей России, состоял членом редколлегии многих литературных журналов.

Самое удивительное состоит в том, что Юрий Васильевич относился к своим общественным обязанностям не формально, а очень серьёзно, считая для себя совершенно необходимым активно участвовать в жизни писательских организаций, оказывающих огромное воздействие на политическую, идеологическую и духовно-культурную атмосферу нашей страны. Он считал, что здесь не может быть ни формального подхода, ни мелочей, поскольку это затрагивает коренные интересы жизни всего народа.

Огромное внимание Ю.В. Бондарев уделял образованию и воспитанию молодых писателей, считая это прямым долгом писателей старших поколений, потому что в литературе, как в целом в истории и культуре, роль традиций всегда была огромной, и он не жалел своих сил и времени на работу с молодыми писателями, начиная от профессиональной учёбы писательскому ремеслу до материальной и бытовой помощи молодым писателям. Молодые писательские таланты, в свою очередь, по-настоящему уважали и любили Ю.В. Бондарева и как выдающегося писателя, и как старшего друга, наставника, к которому всегда можно обратиться за помощью и получить её. В этом смысле Ю.В. Бондарев был как бы продолжателем традиций всей русской литературы, её самых замечательных представителей, которые не мыслили русскую литературу без постоянной и систематической работы с молодыми талантами. Разумеется, необходимо было помогать и материально, особенно молодым писателям, потому что другого дохода, кроме как публикаций своих произведений писатели практически не имели, а чтобы написать хорошее произведение, нужно немало времени. Надо было, по мере возможности, обеспечивать

писателей путевками в дома творчества, дома отдыха и санатории, а кому требовалось — и необходимое лечение. Сам, будучи очень скромным человеком, Ю.В. Бондарев многие годы вместе с супругой жил в основном в своем маленьком деревянном домике за городом, и ему самому почти ничего не требовалось, но он никогда не уставал заботиться о других, и не только писателях, а о всех простых людях, где бы они ни жили и кто бы к нему ни обращался. Естественно, такое заботливое отношение Ю.В. Бондарева к другим людям заслуженно вызывало искреннее и глубокое уважение к этому великому писателю и человеку. Он нередко выступал с резкой критикой формального чёрствого отношения к людям со стороны разного рода чиновников, считая это абсолютно недопустимым и оскорбительным, о чём свидетельствуют многие его выступления на различных съездах, конференциях, в газетах, журналах, на телевидении, радио и других средствах массовой информации. Именно поэтому некоторая часть чиновников считала его неудобным, неприятным, скандальным и т.д., хотя на самом деле Ю.В. Бондарев всегда и везде настаивал на самом внимательном и достойном отношении к любому человеку.

Ю.В. Бондарев — солдат и сын солдата, выдающийся советский и русский писатель, великий гражданин Советского Союза и России, совершивший не только великий боевой солдатский подвиг, но и великий творческий подвиг в изображении невиданной в истории человечества войны как по своим разрушительным масштабам, так и по великим взлётам и победам человеческого духа — навсегда останется в памяти нашего народа. За свои подвиги он был награждён многими боевыми орденами и медалями, высшими орденами, медалями, премиями Советского Союза и России, но самой великой наградой ему была, есть и останется подлинная, глубокая, искренняя любовь народа за всё, что он сделал на этой Земле.

WARRIOR, WRITER, PHILOSOPHER, CITIZEN OF THE GREAT STATE — YURIY VASILEVICH BONDAREV

K.M. Dolgov

Konstantin M. Dolgov – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Honored worker of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12-1.
E-mail: konstantin.dolgov@gmail.com